

А. А. КРЕТОВ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ГУТТУРАЛЬНЫХ¹

Все меньше остается оснований для того, чтобы сохранять устаревшие общеиндоевропейские реконструкции, выведение из которых праславянских и исторических славянских... форм во многих отношениях затруднительно <...> Очевидно, настало время нового синтеза достижений славянского языкознания и сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков...

Вяч. Вс. Иванов. Отражение индоевропейского CASUS INDEFINITUS в древненовгородском диалекте (Russian Linguistics. 1985, v. 9. P. 332–333).

С самого своего появления концепция трех рядов гуттуральных имела немало слабых мест. Август Шлейхер, впервые реконструировавший фонетическую систему праязыка как целое, восстановил всего три гуттуральных: *k, *g, *gh. Нестрогость соответствий, установленных А. Шлейхером, не удовлетворила позднейших исследователей, и трудами Г. Асколи, А. Фика с его учениками и А. Беценбергера в последней четверти XIX в. была создана гипотеза трех рядов индоевропейских гуттуральных: велярного — *k, *g, *gh; лабиовелярного — *kʷ, *gʷ, *gʷh; палатального — *k̑, *g̑, *g̑h.

Во втором издании „Grundriss'a“ (1897) эта гипотеза была, по меткому замечанию И. М. Тронского², „канонизирована“ К. Бругманном. Так младограмматики, декларировавшие всеобщность фонетических законов, дали закон, имеющий далеко не единичные исключения. Мало того, что ни в од-

¹ Статья является переработанным вариантом доклада на I Международном съезде балтистов (Вильнюс, 1985).

² Тронский И. М. Общеиндоевропейское языкознание. М., 1967. С. 24 (далее — Тронский, ОЯ).

ном из индоевропейских языков не зафиксировано трех рядов гуттуральных, а имеется только два, оказалось, что не всегда палатальный ряд гуттуральных в языках сатем представлен в виде шипящих (ассибиллянтов). Известно несколько десятков исключений, когда на месте ожидаемых $s(\check{s})$, $z(\check{z}; \check{j}, h)$ оказываются k , $g(gh)$.

Хотя наибольшую неудовлетворенность гипотезой трех рядов гуттуральных испытывают исследователи сатемных языков, у исследователей языков кентумных, как отмечает С. Д. Кацнельсон, также есть основания для недовольства: „в группе centum в корнях с лабиализованными встречаются не только лабиализованные, но и чистые велярные“³. И хотя закономерные соответствия все же преобладают, на протяжении более чем столетия велись интенсивные поиски объяснения исключений.

Первое и самое естественное направление поиска — фонетическое объяснение: позицией (Хирт⁴, Бурлакова⁵) или ассимиляцией (Мейе).

Второе — межъязыковые контакты: В. Н. Чекман⁶ эти исключения рассматривает как следы исчезнувшего балто-славянского кентумного диалекта.

Большинство современных исследователей восстанавливает в праязыке не три, а два ряда гуттуральных: лингвисты, исходящие из показаний языков сатем, — велярный и лабиовелярный ряды (В. Георгиев⁷), а лингвисты, исходящие из данных языков кентум, — велярный и палатальный ряды (Ю. Курилович⁸). А. Мейе⁹ восстанавливал в праязыке палатальный и лабиовелярный ряды, считая, что в языках сатем произошла делабиализация, а в языках кентум — депалатализация одного из рядов.

Третья группа исследователей предполагает наличие в праязыке одного ряда гуттуральных, из которого возникли остальные (Ю. Сафаревич¹⁰, О. Се-

³ Кацнельсон С. Д. К фонологической интерпретации протоиндоевропейской звуковой системы // Вопросы языкознания. 1958. № 3. С. 56.

⁴ Hirt H. *Bezenbergers Beiträge*. 1900. Vol. 24.

⁵ Бурлакова В. В. Предыстория славянских гуттуральных // Вопросы славянского языкознания. 1962. Вып. 6. С. 46–65 (далее — Бурлакова, ВСЯ).

⁶ Чекман В. Н. О рефлексах индоевропейских $*k$, $*g$ в балто-славянском языковом ареале // Балто-славянские исследования. М., 1974. С. 116–135 (далее — Чекман, БСИ, 1974).

⁷ Georgiew V. I. *Introduction to the History of the Indo-European Languages*. Sofia, 1981.

⁸ Kuriłowicz J. *L'apophonie en indo-européen*. Wrocław, 1956.

⁹ Meillet A. „Les gutturales et le tokharien“, „Hirt-Festschrift“ 2. Heidelberg, 1936.

¹⁰ Safarewicz J. *Pochodzenie trzech szeregów spółgłosek tylnojęzykowych w prajęzyku indoeuropejskim*, 1945 (= *Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności*. T. XLVI).

мереньи¹¹, С. Младенов¹² и др.). Против этой точки зрения выдвигают следующие возражения. „Попытки выведения всех трех серий из одной, — пишет И. М. Тронский, — могут делаться лишь в порядке дальней реконструкции. Курилович справедливо замечает, что они лишь кумулируют трудности, присущие гипотезам о двух рядах“ (Тронский, ОЯ, с. 35–36).

В. В. Мартынов, опираясь на типологические данные, убедительно показывает, что три ряда и исторически и типологически могли возникнуть лишь из одного. Вместе с тем реконструкция одного ряда гуттуральных признается невозможной: „При условии первичности одного ряда гуттуральных в индоевропейском языке с последующей лабиализацией и палатализацией ожидалась бы реализация всех четырех теоретически возможных соответствий между зонами *centum* и *satem*“, чему, по мнению Мартынова, мешает „невозможность соответствия лабиовелярный (*centum*) — сибилант (*satem*)“¹³.

Именно в этом утверждении мы и склонны усомниться. Соответствия „лабиовелярный (кентум) — сибилант (сатем)“ не были обнаружены по двум причинам: во-первых, учитывались данные только литературных языков, во-вторых, пристальное внимание к фонетике не было фонологичным, не строилось на принципе смысловоразличения и в силу этого не сопровождалось столь же пристальным вниманием к семантике.

В связи с этим представляется продуктивным обращение к данным диалектов и сопоставление сходных (или закономерно различающихся) по семантике слов, фонетическое различие которых сводится к оппозиции „велярный — сибилант“ (сатем), „велярный — лабиовелярный“ (кентум) или „лабиовелярный (кентум) — сибилант (сатем)“.

Гипотезы трех и двух рядов гуттуральных не дают объяснения семантическому тождеству слов, различающихся лишь рефлексам гуттуральных „разных рядов“, и трактуют его как случайное. Однако семантический и словообразовательный анализ показывает, что мы имеем дело с семантически и словообразовательно закономерными явлениями, а это — наряду с многочисленностью таких „случайностей“ — заставляет предполагать наличие и фонетической закономерности.

Дальнейшее изложение направлено на доказательство существования указанных соответствий. Доказать же их наличие — значит доказать состоя-

¹¹ Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980. С. 165–166.

¹² Младенов С. Сравнительно и индоевропейско езикознание. София, 1936. С. 189–190.

¹³ Мартынов В. В. Славянская и индоевропейская аккомодация. Минск, 1968. С. 82.

тельность концепции одного ряда гуттуральных, а также генетическое родство корней, различающихся лишь рефлексам гуттуральных разных рядов. На этом последнем мы особенно настаиваем.

Поскольку наше исследование основано, по преимуществу, на показаниях балтийских и славянских языков, а рефлекс велярного и лабиовелярного ряда в балто-славянских языках совпадают, различить эти два ряда мы сможем лишь при наличии соответствий в кентумных языках (лат., греч., гот. и др.). Если некоторые наши примеры и не покажут соответствий лабиовелярного ряда палатальному, то, по крайней мере, умножат число примеров сатем-кентумной дублетности, что также будет способствовать ослаблению гипотезы трех рядов гуттуральных.

Обратимся к анализу материала.

1. **gher-* 'блистать' — **g^hher-* 'гореть, пылать'. Начнем с корней, к которым принадлежат глаголы *гореть* — *зреть*. К корню **g^hher-* наряду с глаголом *гореть* принято возводить и ст.-слав. существительное *жеравъ* 'горящие угли', а к корню **gher-* — наряду с глаголом *зреть* 'видеть, сиять' — и существительное *заря*, лит. *žarija* 'горящие угли'. Уже сам факт наличия в корнях, признаваемых разными, слов с одинаковой семантикой должен был бы насторожить исследователей, заставить их искать объяснения этому факту. Однако эпоха примата фонетики над семантикой не только делала это невозможным в XIX в., но и создала такую силу инерции, что преодолеть ее и в настоящее время не так уж просто.

Итак, вопрос первый: как и почему в „разных“ корнях оказались слова сходной семантики? Это не только ст.-слав. *жеравъ* и лит. *žarija, žarijos* „раскаленные угли“, но и рус. *жар*, др.-инд. *haras* 'жар', др.-инд. *gharma* 'жар', др.-ирл. *gor* 'теплота', 'огонь', др.-греч. *θερος* 'жара, урожай', лат. *foimus* 'теплый', относимые к корню **g^hher-*, и алб. *zjar* 'огонь', прус. *sari* 'жар', лтш. *sārts* 'костер', относимые к корню **gher-*. К этому ряду следует отнести и примеры, приведенные В. Н. Чекманом: лит. *gairuoti* 'светиться, блестеть', *gaisras* 'пожар, зарево от пожара, зарево перед восходом солнца или месяца', лтш. *gaiss* 'воздух' (предположительно корень **g^hher-*) и лит. *žerėti* 'сиять', *žaisrus* 'образующий зарево' (корень **gher-*). Показательно, что лит. *gariti* 'гореть, испаряться', *gāras* 'пар, угар', лтш. *garot* 'испаряться', *gars* 'пар в бане', *garaiņi* 'пар от дыхания' этимологи относят к корню **g^hher-* 'гореть', а лтш. *gaiss* 'воздух' — к корню **gher-* 'сиять' (Чекман, БСИ, с. 126).

Итак, первый аргумент и первое затруднение — семантическое тождество слов в „разных“ корнях.

Второй аргумент — постоянное, регулярное появление у слов со значением „гореть, пылать“ значений „сиять, светиться, излучать свет“. Примеры:

рус. *гореть* (звезды горят), *пылать* 'излучать свет' (звезда пылала над самой землей), *пламенеть* (Ночью тихо пламенеют разноцветные огни), *теплиться* 'излучать слабый свет' (Звезды едва теплились). Ср. в значении „начать светиться, испускать свет“ глаголы: *загореться*, *зажечься*, *вспыхнуть*, *затеplиться*. В других языках: лит. *pliskėti* — 1) 'полыхать, пылать', 2) 'блестеть, светиться'; *žiburỹs* — 'огонь, свет'; лат. *flammo* 'пылать, гореть, сверкать', *flagro* — 'гореть, сверкать' (*okuli flagrant*); *ignis* — 'огонь', 'пожар', 'головня, факел', 'горящий костер', 'молния', 'небесное светило', 'жара, зной'¹⁴, 'блеск, сияние'.

Число примеров из разных языков можно было бы увеличить, поскольку переход типа 'огонь' → 'свет' в индоевропейских языках очень распространен и встречается как в истории этих языков, так и в современном их состоянии. Для нас важно отметить, что значение 'свет', 'блеск' развивается от значения 'огонь', а не наоборот. У слов *блестеть*, *сверкать*, *сиять* и им подобным значение 'гореть' не развивается. Это утверждение справедливо для подавляющего большинства случаев: ср. англ. *glare* 'сиять, светить', *gleam* 'излучать мягкий свет', *shine* 'излучать или отражать свет'. Особняком стоит англ. слово *to light*: 1) 'зажигать огонь (сигарету) или включать лампу (свет)', 2) 'освещаться', 3) 'освещать'. Думается, этот пример свидетельствует не только о развитии значения „огонь“ из значения „свет“, сколько о том, что вторичные значения являются каузативно-начинательными дериватами значения 'светиться'. Аналогичные примеры есть и в русском языке. Ср. у Пушкина: „*Засветила* богу свечку". То же и в лат. *lucere* — 1) 'быть светлым, светить, светиться'; 2) 'блестеть, сиять, сверкать'; 3) 'рассветать'; 4) 'возжигать, зажигать' (*facere*). Интересно, что и в английском, и в русском, и в латинском языках значение „зажигать“ реализовано не во всем объеме, а лишь применительно к специальным осветительным (или курительным) устройствам. По сути дела, это не семантика горения, а семантика приведения (светильника или сигареты) в рабочее состояние.

Как видим, случаи семантического переноса 'огонь' → 'свет' в древних и современных индоевропейских языках представлены очень широко и составляют несомненную семантическую фреквенталию. Случаи переноса 'свет' → 'огонь' редки и при внимательном рассмотрении оказываются связанными не столько с огнем, сколько со специальными приборами и устройствами для

¹⁴ Кстати сказать, греч. *θερος* 'летняя жара', 'урожай', заставляет поставить вопрос о генетическом родстве глаголов *зреть*, 'сиять' из 'гореть' и *зреть* 'поспевать, созреть'. Греческое слово показывает, каким образом значение 'тепло, жара' может быть связано со значением 'урожай'.

его добывания и поддержания. Этот семантический процесс явно вторичен и нов, а древним является перенос 'огонь' → 'свет'. Таков второй аргумент.

Однако на пути признания родства корней **g^hher-* и **ġher-* встает самый серьезный — фонетический — барьер в виде гипотезы о трех рядах индоевропейских гуттуральных, согласно которой корни не могут быть признаны родственными, поскольку содержат генетически различные звуки: **g^hh* (гореть) и **ġh* (зреть).

Следует отметить, что концепция трех рядов гуттуральных „не работает“ даже в пределах корня **ġher-*. Мы имеем в виду случаи сатем-кентумной дублетности: лит. *žerėti* 'сиять' — *garėti* 'испаряться', лит. *žaruoti* 'гореть' — *garuoti* 'испаряться', 'улетучиваться', *gairuoti* 'светиться, блестеть'; *žaisrus* 'образующий зарево' — *gaisras* 'пожар, зарево от него или перед восходом светила'.

Отметив это, обратимся к объяснениям семантического сходства рефлексов корней **g^hher-* / **ġher-*, имеющих в работах исследователей. Семантическое и фонетическое сходство этих корней и их рефлексов отмечалось М. И. Бурлаковой: „Аллофоны *k(g)* и *s(z)* стали фонемами после *k^h→k*, *g^h→g*, когда образовались противопоставления типа: ст.-слав. *grěti*, *grějo*; *žeravъ*, *grъnъ* и др., лит. *gāras*, лтш. *gars* и ст.-слав. *zrěti*, *zrejo* (Бурлакова, ВСЯ, с. 64). Это высказывание вроде бы можно понять как признание генетического родства двух корней и соответственно — двух рядов заднеязычных. Но в таком случае не вполне ясным выглядит соотнесение с тем же ст.-слав. *zrejo*, *zreti* слов корня *požьrъ*, *požrěti*, лит. *gerti*, латш. *dzeru*, *dzeŗt* и др., а равно и следующее далее сравнение ст.-слав. *gъnati*, *ženъ*, лит. *geni*, *genu* со ст.-слав. *znati*, *znajъ*. На фоне таких сближений трудно утверждать, что М. И. Бурлакова имела в виду генетическое родство корней **g^hher-* 'гореть' и **ġher-* 'блистать'.

Следующее по времени сближение данных корней встречаем у И. М. Тронского: „При реконструкции общеиндоевропейского языкового состояния мы иногда находим синонимичные корни, имеющие близкое звучание. Когда алб. *zjar* 'огонь' и лит. *žarijos* 'пылающие уголья' указывают на индоевропейский палатальный, а греч. *θερμός* 'теплый' совместно с лат. *formus* и др.-инд. *dharmah* (имеются в виду *gharma*. — А. К.) представляют собой отражения индоевропейского лабиовелярного, перед нами не один корень, а два близких по значению, дифференцированных отличием между звуками, принадлежащими двум рядам гуттуральных“ (Тронский, ОЯ, с. 27).

В данной цитате особенно примечательна аргументация того, почему перед нами не один, а два корня: поскольку семантического различия реконструируемым корням мы приписать не можем, свидетельством их синонимичности

(= нетождественности) является 'отличие между звуками, принадлежащими двум рядам гуттуральных'. Если я попытаюсь утверждать, что в современном русском языке существуют два синонимичных корня *галош-и* и *калош-и*, дифференцированные отличием между звуками [g] и [k], то такое утверждение вызовет в лучшем случае улыбку, а когда речь заходит о реконструируемом языке, то подобное утверждение считается в порядке вещей. Материал показывает также, что лабиовеллярный вариант корня возник ранее палатального. География варианта **g^hher-* 'гореть' широка: Индия, Иран, Армения, Греция, Рим, германские, кельтские, балтийские и славянские племена. Рефлексы же варианта **ġher-* 'светиться' надежно представлены лишь в славянских, балтийских и албанском языках и представляют албано-балто-славянскую изоглоссу, подкрепляющую полученную на фонетическом материале гипотезу О. С. Широкова об албано-балто-славянском единстве¹⁵.

2. **g^hhel-* / **ġhel-* 'желчь'. Лат. *fellis* 'желчь' указывает на праиндоевропейский гуттуральный **g^hh*, тогда как ст.-слав. *зльчь* 'желчь' и лит. *žultis* — на **ġh*.

Перейдем к рассмотрению материала, который дают нам русские диалекты¹⁶.

3. **g^hhou-* / **ġhou-* 'кричать' → *звать* → говорить'. *Гóвка* — кличка коровы. Ср. *говкунуть*: Чую, что-то *говкнуло*. Пинеж., Арх. (Матвеев, 1961). *Зов* — призыв, клич. *Зовучка* — слово, являющееся обращением. Ср. в литературном языке *гов-ор* — *зов*, *гов-ор-ю* — *зов-у*. В. Н. Чекман относит к этому корню славянские **gověti* 'поститься к исповеди, почитать, восхищаться, молчать'. Мы поддерживаем (несмотря на семантические трудности: думается, более древнее значение корня представлено в глаголе *благоговеть*) идею о родстве глаголов *говеть* и *звать*, но если рус. *звать*, лит. *žavėti* 'околдовывать, восхищаться', лтш. *zavēt*, др.-инд. *havate*, авест. *zavaiti* 'зовет, призывать' указывают на корень **ġhou-*, то *говеть*, лат. *favēre* 'благоговейно молчать' и греч. *βοη* 'крик' — на корень **g^hhou-*. Пример из латинского языка свидетельствует еще об одном семантическом схождении при фонетическом расхождении: *faveo* — *ēre* и *hāveo* ≈ *āveo* в значении 'желать, стремиться' и 'страстно желать, жаждать' соответствуют оппозиции **g^hh* : **gh*, *ġh*, а примеры из языков группы сатем показывают, что мы имеем дело с оппозицией **g^hh* : **ġh*.

¹⁵ Широков О. С. Албано-балто-славянское единство (обоснование гипотезы данными фонетики) // Научный ежегодник за 1959 г. Черновцы, 1959.

¹⁶ Диалектный материал извлечен из „Словаря русских народных говоров“ под ред. Ф. П. Филина (буквы Г, З).

4. *гудеть* 'издавать длительный протяжный низкий звук' — *зудеть* 'издавать монотонный звенящий звук'. Напр.: Тучи комаров *зудели* в вышине (Пауст. Дал. годы) и отглагольные существительные *гудение* 'действие по значению глагола гудеть, а также звуки этого действия' и *зудение* 'монотонное звенящее гудение'. Напр.: Запах сирени, *гуденье* жуков ... как все это ... необыкновенно (Чехов. Моя жизнь). Сквозь однообразный вой метели слышал он, едва уловимый слухом, тонкий, звенящий стон, похожий на *зуденье* комара (Чехов. Ведьма).

5. *гля* — *зля* (предлоги с род. пад. 'для'). Например: Не *гля* меня, а *гля* тебя же. Пошех. Яросл. 1849. *Зля* того: Калуж. 1848, Курск. Ни *зля* кого. Орл. *Зля* веселья. Смол.

6. *гыбать*, *гыбка* — *зыбать*, *зыбка*. Диалектные глаголы *гыбать* и *зыбать* имеют значение 'укачивать ребенка в колыбели' и даны в словаре с пометами Перм., Арх., Урал., Ср. Урал., Пск., Новг., КАССР. Существительные *гыбка* — *зыбка* означают 'детская колыбель, обычно подвешиваемая к потолку на шесте или пружине'. Первое отмечено в Новг. 1848, Вологод., Пск. говорах, второе — в Яросл., Твер., Новг., Пск., Ленингр., Олон., КАССР, Арх., Вологод., Костр., Вят., Киров., Перм., Урал., Горьк. Сюда же можно присоединить и литературные прилагательные *гибкий* — *зыбкий* в значениях 'легко сгибаемый, упругий' и 'неустойчивый, легко приходящий в колебание'.

7. *глотуха* — *злотуха* в значении 'ягоды черемухи'. *Глотуха* — Яросл. 1846, Пошех., Яросл. 1849, Новг., Вологод. *Злотуха* — Пошех., Яросл. 1849. В словаре Даля *глотуха* — то же, что *глотиха*, а *глотиха* — растение, черемуха обыкновенная. Яросл.

8. *гуркать* — *зуркать*. Глагол *гуркать*, *гуркнуть* имеет несколько значений: 'ворковать', 'говорить, звать, шептать на ухо по секрету', 'тихо греметь (об отдаленном громе)' и дан с пометой Олон. 1885—1889. Фонетический вариант этого глагола *гургать* имеет значение 'стучать, греметь' в северных говорах: Яросл., Вологод. 1847, Яросл., Вологод. 1849, Яросл., Вологод. 1839. У В. И. Даля есть глагол *гургаться* в значении 'стучаться в дом, в двери', образованный, видимо, от диалектного существительного *гург* 'стук, шум, гром' (Яросл., Вологод. 1902). Глаголы *зуркать* и *зуркаться* 'стучать' и 'стучаться' в словаре имеют пометы: Сарап., Вят. 1903, Урал., Вят., Слобод., Котельн., Вят., 1884 и Даль, Перм., Шушен., Краснояр. 1967.

9. *гыкать* — *зыкать*, *гичать* — *зычать* в значении 'кричать'. *Гыкать* — 'кричать по-лебяжьи'. Олон., 1885. Как белы лебеди *гычут*. В общем значении 'кричать' употребляются в русских диалектах и глаголы *зыкать*, *гичать*, *зычать*, причем *зычать* отмечено и в значении 'издавать громкие звуки' (о птицах или о подражании птичьему крику): Речь говоришь как бела ле-

бедь кричишь. Ты кричишь и *зычишь*, мое сердце веселишь (песня). Чердын., Перм., Терск., Онеж. *Гичать* отмечено в Дон. и Терск. говорах, а *зычать* — в Вят., Перм., Киров., Вологод., Арх., Костром., Беломор., Тобол., Печор. Несомненно сюда же можно отнести и литературные *гикнуть* — *зыкнуть* в значении 'издать резкий и отрывистый звук, вскрикнуть'.

10. *гойкать* — *зойкать* и производные в значениях: 1) 'кричать, издавать крики, вопли'; 2) 'звать, призывать кого-л. криком'. Глагол *гойкать*, *гойнуть* отмечен в Новг. и Вологод. говорах, а *зойкать* — в Арх. 1970 от *зой* 'крик, шум' Арх. 1952. У Даля находим глагол *зоевать* 'кричать' и прилагательное *зойный* 'шумный, крикливый'. В Север., Олон., Арх. диалектах отмечен и глагол *зоить* 'громко говорить'.

11. *гук* — *зук*, *гукать* — *зукнуть*, *гучать* — *зучить*. *Гук* — 'громкий крик' Смол. 1853; 'эхо' Смол., Пск. 1902 — 1904. *Зук* тоже имеет два значения: 1. 'звук, гул, шум'; 2. 'молва. слух, весть, известие'. *Гук* и *зук* могут быть и подзвонными свиней. Первое в Калуж. и Смол. говорах, второе — в Печор., Пск. 1964.

Глаголы *гукать* и *зукнуть* употребляются в диалектах в значении 'звать, призывать кого-л. криком'. Курск., Смол. 1852. Баба со страху *зукнула* (вскрикнула. — А. К.) и на землю пала. Урал. 1930. Ср. *зукъ* — сербск., ц.-слав., в.-луж., н.-луж. *zúk* 'тон, звук', в.-луж. *zúknuš*, н.-луж. *zúknuš* 'звучать'. Глаголы *гучать* — *зучить* отмечены в значении 'гудеть'.

12. *гурнуть* — *зыркнуть* в значении 'прибыть, прибавиться (о воде в реке)' и 'налить слишком полно, много'. В глаголе *зырнуть* мы видим другую степень вокализма в корне. Первый глагол отмечен в Петрозав., Олон. 1896 говорах, а второй — во Влад. 1910.

13. *гнобить* — *знобить*. *Гнобить* — 'мучить, отягощать кого-л. (обилием дел и забот)'. Касим., Ряз. 1850. *Знобить* — 1. 'страдать' (от любви), 2. 'заставлять страдать (от любви)'. Смол. 1907. Ср. лит. *gnaibyti* 'щипать' и *žnai-byti* 'щипать' (Чекман, БСИ, 1974, с. 127).

14. *гмыза* — *змыза*. Слово *гмыза* зафиксировано как бранное слово в Арх. говорах. 1920. Оно явно связано с глаголом *гмызить* 'сердиться, ворчать, брюзжать', отмеченным в Красноуфим., Перм. говорах и Далем в Вологод. Слово *змыза* употребляется 'о кокетливой женщине, любящей наряжаться': Ишь какая *змыза* идет. Вологод. 1902. Толкование этого слова вполне соответствует определению слова *гмыза* как бранного, но находится в курьезном несоответствии с приводимым примером.

15. *гмырить* — *змыркнуть*. Оба слова имеют одинаковую семантику: первое — *гмырить* 'говорить протяжно, нараспев, вяло в нос' и *гмырять* 'говорить медленно, нараспев, растягивая слова' — записано в Южно.-Сиб.

1847 и Урал. 1930 говорах; второе — *змыркнуть* 'невнятно сказать, произнести что-л'.: Он че-то *змыркнул* мне, а я его не понял — в Кемер. 1964.

16. *гобзить* — *зобзун*. *Гобзить* — 'прикармливать, пичкать, обильно кормить': Своих детей то и знай *гобзит*, а пасынок голодный бегаёт. Ростов., Яросл. 1902. Ср. также пример с производным глаголом *угобзить*, встретившийся нам у Салтыкова-Щедрина: „(Они) за тем только всех равными кусками потчуют, дабы собственную нерадивую праздность при сем случае *угобзить*“. *Зобзун* — 'птенец кукушки' (перв. 'выкормыш'. — А. К.) Беломор. Марков.

Вряд ли правомерно при возведении *гобзить* (через *gobziti* и **gobъzъ*) к гот. *gabeigs* 'богатый' видеть тут заимствование¹⁷, поскольку в таком случае необъясним начальный *z* в слове *зобзун*. Вероятнее, что заимствованием является лишь **gobigъ*, чем и объясняется отсутствие 3-й палатализации заднеязычного после *i*, отличие в количестве гласного от **gobъzъ*, а также пограничный и крайне узкий (исключительно чешский) ареал его распространения. В таком случае **gobъzъ* и *gabeigs* могут быть параллельными славянским и германским вариантами общего предка. Маловероятно, что одно и то же слово было заимствовано дважды: до и после 3-й палатализации.

17. *гбдно*, *гбже* — *зодко*. *Гбдно* — 'хорошо'. Заволжье, Казан. 1885, Урал.; 'хорошо', 'красиво'. Малмыж., Вят., 1897, Соликам., Перм. В том же значении широко распространено в русских говорах и *гбже*, *гбжо*, *гожб*: Вят. 1896, Малмыж., Слобод., Тамб., Курск., Влад., Твер., Новг., Тобол., Перм., Пенз., Ряз. В значении 'хорошо, красиво' отмечено и слово *зодко*: Уж так ли у него в покоях *зодко*. Ростов., Яросл. 1902.

18. *гайда* — *зайда*. *Гайда* является прозвищем и отмечено в Курских говорах, 1900–1901. *Зайда* известно в Смоленских говорах в двух значениях: 'капризный человек' Смол., 1914 и 'нервная, истеричная женщина': Ина такая *зайда*, ее не чипай. Смол., 1914.

19. *гогать* — *зозуля*. *Гогать* — 'шуметь, гудеть': Ишь как у тля прялка-то *гогает*. Вологод., 1883–1889.

Зозуля — 'кукушка' (первоначально 'птица, которая шумит, гудит' = кукует. — А. К.). Слово широко распространено в говорах: Зап., Южн., Курск., Твер., Тобол., Латв. ССР, укр. *зозуля*, белор. *зазуля*.

20. *гога* — *зоба*. *Гога* — 'насмешливое, обидное прозвище смешливого человека'. *Зоба* — 'неаккуратный, немывтый, грязный человек': г. Калязин, Твер., 1850.

¹⁷ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. чл.-кор. АН СССР О.Н. Трубачева. М., 1979. Вып. 6. С. 185 (сокр.: ЭССЯ).

21. *гавкать* — *звякать*. *Гавкать* в говорах наблюдается в трех значениях: 'лаять', иногда о людях, плачущих детях. Ниж.-Дон., 1929; 'говорить то, что не нравится, часто надоедать'; 'ругать, бранить'. Тул. *Звякать* — 'кричать' и *звякнуть* — 'громко и неожиданно крикнуть' отмечено в Орл. 1928 и Тул., Архив РГО, говорах.

22. *гну́дья* — *зну́дить*. *Гну́дья* — 'лихорадка'. Онеж., КАССР, Калинин, 1933. *Зну́дить* — 'ломить, болеть'. Ср. *зны́дѣть* — 'ощущать ноющую боль': Палец *зны́дит*. Брян. Преображенск.

23. *гнетѣть* — *знѣть*, *знѣять*. *Гнетѣть* — 'разжигать (огонь)', 'подкладывать огонь под костер или в печку'. Петерб., Арх., 1907. У Срезневского *гнѣсти*, *гнѣту* 'зажигать'. Того же корня *загнетка* — 'ямка на предпечье, куда сгребается жар', *гнѣтъя*, *гнѣтъя* — 'лучина, щепки для растопки печи' и *загнѣта* — 'растопка, щепка, лучина'. Арх. Даль. В значениях 'чуть-чуть гореть, тлеть' и 'блестеть, пламенеть, краснеть (о раскаленном металле)' употребляются в говорах глаголы *знѣть* и *знѣять*: Новг., Олон. 1899, Олон., 1885, Арх., 1852, Пск., Твер. В Псковских говорах зафиксирован глагол *знѣять* в значении 'гореть пламенем'.

С этими же корнями тесно связана и другая пара слов — *гной* — *зной*. Семантически отношение *гной* — *зной* Бодуэн де Куртенэ¹⁸ объяснял по аналогии с отношением *пот* — *печь*.

Семантика глагола *гнить*, родственного существительному *гной*, несомненно связана с семантикой жара, горения. Ср. *гореть* — 'поддерживать собой пламя, давая жар; пылать' и 'тлеть от развивающегося жара вследствие трения, возникающих химических процессов'. Синонимичны глаголы *гнить* и *прѣть*, т. е. 'портиться, нагреваясь при слеживании'. Тот же переход наблюдаем у глагола *прѣть*, родственного существительному *пар* и греч. глаголу *πρῆδο* 'жгу'.

Получается, что вначале были фонетические варианты одного слова со значением 'гореть', т. е. *гнить* — **знить*, из которых и развились *гной* и *зной*. Объяснение и подтверждение этого находим у Потебни¹⁹: „Зная, что гниение обозначается в языке огнем, можно бы огонь назвать символом гниения.“

¹⁸ Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914. Т. 1. С. 254 (зной): „Не объяснено. Горяев (ГСл. 117) связывает с *сіать*. Бод. де Куртенэ (РФВ 1, 110) считает возможным отнести корень **зни*: *зной*, как *би*: *бой* и под. к *гни*-; з из г. В семасиол. отношении ему казалось вероятным сближение *гной* и *зной* в значении *sudor* ('пот'. — А. К.)“.

¹⁹ Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 222.

Может показаться, что в слове *зной* содержится древнейшее значение корня. Разумеется, это не так. Значение огня даже в др. -рус. глаголе *гнѣсти* вторично. Ближе всего к первичному, по справедливому мнению О. Н. Трубачева²⁰, значение 'жать, давить', откуда 'тереть' → 'добывать огонь трением' → 'зажигать'. Ср. греч. *χύει* 'распыляет, растирает', англосакс. *gnīdan* 'тереть', др.-в.-нем. *gnītan* 'тереть'.

24. рус. *гадать* — лит. *žādas*. *Гадать* — 'говорить, думать, рассуждать, ворожить'.

Лит. *žādas* 'речь, сознание', *žadejimas* 'общение', *žadėti* 'обещать', *žadinys* 'обещание'. Ср. в рус. *обещание* из *об-вещати* → *вещати* 'говорить'.

25. лат. *fārior* — *hāriōlor*. Первое — архаическое в значении 'говорить', второе — в значении 'предсказывать, гадать' или 'нести вздор'. Ср. слав. **vrati* 'говорить' и рус. *врать* — (уст.) 'нести вздор; обманывать'.

26. лат. *fastigo* — *hasta*, *hastilē*. *fastigo* — 'делать остроконечным, заострять'. *hasta* — 'колющее или метательное копьё, дротик'. *hastilē* — 'копье, дротик', поэт. 'острая ветка'.

27. рус. *сучка* — болг. *кучка*. В русском языке *сучка* — то же, что *сука*, т.е. 'самка домашней собаки'. Существительное *кучка* в болгарском языке означает то же самое: 1. 'сучка, сука'; 2) 'собачка'²¹.

Обычно слово *сука* возводят к индоевропейскому корню **ku-*, выделяя при этом с опорой на старопольск. *sula* 'сука' корень *су-* и суффикс *-к-*. Болгарское же *кучка* относят к группе ономатопоэтических корней **kut-*, **kuč-*, **kuc-*. Однако относительно слова **куцька* М. Фасмер делает любопытную оговорку: „Если слав. **куцька* связано с лит. *kaũkti* 'выть', др.-инд. *kócati* 'издает громкий звук', *kókas* 'волк', то тогда его следует отделить от *кутѣнок* и близких“²². Но лит. *kaũkti*, находясь в генетическом родстве с *šaiũkti*, дает возможность сопоставлять рус. *сучка* и болг. *кучка*. Сюда же В. Георгиев²³ с ссылкой на словарь Ю. Покорного²⁴ добавляет др.-инд. *kāuti* 'кри-

²⁰ „Поскольку речь идет об особом и, видимо, древнем слове для обозначения разжигания, прием естественно предположить связь техники (а также — соответствующей лексики) с трением, можно думать о родстве **gnētiti* и **gnesti*, **gnētati*“ (ЭССЯ, вып. 6, с. 168).

²¹ Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь. М., 1953. С. 352.

²² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. 2. С. 434.

²³ Георгиев В. И. Исследование по сравнительно-историческому языкознанию. Родственные отношения индоевропейских языков. М., 1958. С. 33.

²⁴ Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bonn, 1951, 1969. Vol. 1—2.

чит', соотносимое с лит. *kai̯kti* 'выть' и др.-инд. *śuka-h* 'попугай', соотносимое с лит. *šai̯kti* 'кричать'.

Как видим, имеется немало фактов, противоречащих гипотезе трех рядов гуттуральных. При этом мы старались по возможности не повторять уже известные и проанализировали лишь незначительное количество источников в поисках соответствий палатального ряда гуттуральных в языках сатем их лабиовелярному ряду в языках кентум. Расширение круга источников — особенно диалектных — даст дополнительные соответствия и аргументы.

В самом общем виде историю индоевропейских гуттуральных мы представляем себе так. В индоевропейском праязыке первоначально существовал один (велярный) ряд гуттуральных, варьировавшихся в зависимости от фонетических позиций. С изменением фонетических условий произошло выравнивание по аналогии. Первоначально варианты фонематического различия не несли. В дальнейшем в разных языках сохранился либо один, либо два из этих вариантов. С течением времени они приобрели фонематическую значимость, но порою сохраняют свое исходное семантическое тождество вплоть до наших дней. Примером могут служить глагольные пары *гудеть* — *зудеть* и *зыкнуть* — *зыкнуть*. Сохранение того или иного варианта или обоих носило случайный характер. Случаи сосуществования рефлексов разных рядов гуттуральных в одном говоре, на одной территории на удивление часты. Нерешенность же проблемы гуттуральных объясняется, очевидно, необходимостью учета всей совокупности фактов, сколь бы многочисленными и противоречивыми они ни были. Однако эта задача превышает силы одного человека и должна решаться в рамках большого проекта с использованием вычислительной техники.

SOME ASPECTS OF THE INDO-EUROPEAN GUTTURALS' RECONSTRUCTION

Summary

The article concerns the problem of Indo-European gutturals and maintains the hypothesis of one guttural series. It insists on the existence of the correspondence between labio-velars in centum languages and sibilants in satem languages, though an opposite opinion has persisted for about a century. The correspondence was not discovered because: (1) the reconstruction of the gutturals was based primarily on the literary languages, (2) main attention was paid to phonetics. The proper solution of the problem calls for the use of the dialectal data with due regard for semantics. The former (Russian dialects) and the latter are explored in the paper. Some new etymologies are presented.